

УДК 94(37).07

**АВТОР, ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТ
(НОВАЯ МОНОГРАФИЯ О ФЛАВИИ ФИЛОСТРАТЕ И РЕЛИГИИ III в. н.э.)**

© 2015 г.

А.В. Махлаюк

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

makhl@imomi.unn.ru

Поступила в редакцию 17.03.2015

Рассматриваются концептуальные подходы, основные положения и выводы нового российского исследования, посвященного творчеству Флавия Филострата и религиозным процессам в Римской империи III в. н.э. Оцениваются также возможные перспективы дальнейшего изучения идеологии и литературной истории периода Второй софистики.

Ключевые слова: Флавий Филострат, «Жизнь Аполлония», «Героика», религия, Вторая софистика, Римская империя, А.В. Белоусов.

Появление в отечественной историографии, очень небогатой исследованиями по литературе Второй софистики, первой монографии, посвященной центральной фигуре этого культурного феномена – Флавию Филострату, нельзя не признать в высшей степени отрадным явлением, тем более что ее автор, А.В. Белоусов, обращается к весьма важным и дискуссионным проблемам, связанным с религиозным сознанием и культовой практикой III в. н.э., которые также, по сути дела, еще не были предметом особого внимания в российском антиковедении¹.

Выбор темы и проблематики рассматриваемой книги [2] хорошо вписывается в современный историографический контекст, в полной мере соответствуя его характерным тенденциям, к числу которых можно отнести и реабилитацию Второй софистики в целом как значимого культурно-исторического феномена, и повышенный интерес к ее отдельным представителям (в первую очередь к самому автору этого понятия, Флавию Филострату), и поиск новых подходов к изучению религиозных процессов в Римской империи (см., например: [3–8]), и пристальное внимание к нарративной и риторической стратегиям, выражавшим, помимо всего прочего, индивидуальное мировосприятие античных интеллектуалов, и идеологические контрверзы эпохи, включая проблемы кросс-культурных контактов и формирования различных идентичностей (см.: [9–11]). В этих направлениях, пересекая междисциплинарные барьеры, трудятся и филологи-классики, и археологи, и собственно историки.

Для изучения всех названных проблем исключительно важное (а в некоторых случаях – ключевое) значение имеют тексты, дошедшие под именем Флавия Филострата. Два из них –

«Жизнь Аполлония Тианского» и «Героика» – составляют главный объект исследования, предпринятого А.В. Белоусовым и нацеленного на выяснение двух взаимосвязанных вопросов: как и насколько явно в этих сочинениях плодовитого софиста отразилось религиозное мировоззрение конца II – первой половины III в. н.э., и насколько данные произведения достоверны и информативны для реконструкции эллинской религиозности императорского времени. Автор ставит перед собой задачу «прорваться за пределы филостратовского текста к самому Филострату, а через него к человеку его времени» [2, с. 10], что, по мнению А.В. Белоусова, можно сделать, читая этого писателя как бы «двойным зрением», т. е. в равной мере концентрируя внимание на том, что автор сообщает намеренно, и на том, что он высказывает неосознанно и что скрывается в его жанровых предпочтениях, лексике, образах и темах. На основе краткого, но четкого обзора исследовательской литературы, посвященной Филострату и двум его текстам, имеющим наибольшее значение для изучения религиозной жизни, автор выявляет ряд неисследованных и недостаточно освещенных вопросов и конкретизирует свои задачи: определить ближайшие жанровые параллели этих сочинений; выявить новые тенденции в религиозной жизни эпохи Северов, воплотившиеся в образе Аполлония Тианского; проанализировать образ Протесилая в «Героике» и раскрыть возможности использования этого диалога для реконструкции культа Ахилла; проследить возможные сюжетно-смысловые и стилистические связи обоих произведений с раннехристианской литературой.

Написанная на основе кандидатской диссертации [12], книга, тем не менее, в полной мере

выдерживает жанровые критерии научной монографии, представляя собой целостный, сбалансированный научно-исследовательский текст, предлагающий оригинальное решение большинства из поставленных вопросов. Из общей структурной когерентности, быть может, несколько выбивается только глава I, имеющая вводный характер. Ее тема заявлена слишком широко: «Эпоха Северов. Вторая софистика. Филострат». И на отведенных ей 13 страницах почти невозможно даже обозначить все принципиально значимые для данной тематики аспекты, не говоря уже об их самостоятельной трактовке. Но и в таком виде данная глава все-таки необходима как некий отправной пункт для ориентации читателей-неспециалистов.

В главе II «“Жизнь Аполлония” в религиозном контексте III в.» сначала рассматриваются датировка, содержание, жанр и источники этого сочинения Филострата (§ 1–2). Затем исследуется образ Аполлония как «божественного мужа» и пифагорейца-тайноводителя (§ 3). Ставя вопрос, что отличает его в этом качестве от прочих «божественных мужей» античности, А.В. Белоусов отмечает, что в поздней античности для образа «божественного мужа» характерно сочетание знания и божественности, и с этой точки зрения Аполлоний Филострата – фигура переходная: он уже пифагорец (и, в согласии с современным Филострату образом Пифагора, имеет черты странствующего мистагога), аскет-философ, а вместе с тем пророк и маг и в этих качествах выступает как предтеча философа-гиератика поздней античности, «содержащего в себе пифагорейскую аскезу с философией Платона и теургией неоплатоников» [2, с. 56]. В то же время, как подчеркивает автор, Аполлоний изображен у Филострата как идеальный эллин, типичный *πελαιδευμένος*, и эти особенности делают «Vita Apollonii» трибуной проповеди эллинских идеалов образования и культуры, составляющих суть Второй софистики.

Интересные суждения высказывает А.В. Белоусов о характере солнечного культа, проповедуемого Аполлонием (§ 4). Соглашаясь с мнением, что ближайшим поводом показать Аполлония поклонником Солнца могло быть желание оказать почтение императрице Юлии Домне, происходившей из семьи жреца солнечного божества в Эмесе², автор считает, что поскольку значительная часть сочинения писалась уже при Элагабале (а опубликовано оно было уже после смерти последнего), то в солнцепоклонничестве Аполлония можно усмотреть и желание писателя польстить этому императору. Не исключено также, что в образе самоуверенного индийского царя, отказавшегося от фило-

софии, Филострат изобразил Элагабала, изгнавшего греческих учителей из своего дворца, и ему адресовал поучения Аполлония (VA. III. 28–29; 31–32) [2, с. 60–61]. Делая Аполлония ревностным солнцепоклонником, Филострат, по мысли автора, не только отдает дань придворным культовым предпочтениям, но отражает монотеистические и генотеистические тенденции религиозности северовской эпохи.

В заключительном параграфе 1-й главы (§ 5 «“Духовная жертва” и “чистота души”») А.В. Белоусов предлагает свое объяснение отказа Аполлония от кровавых жертвоприношений, считая недостаточным обычное указание на его пифагореизм. Автор, отталкиваясь от анализа фрагмента сочинения Аполлония «О жертвоприношениях», сохранившегося в пересказе Порфирия (*De abstinent.* 2. 34. 2) и Евсевия (*Praep. Euang.* IV. 12–13), приходит к выводу, что этот отказ связан с идеями духовной жертвы и нравственной чистоты души, новыми для античной религиозности, в которой происходило сближение религиозной и нравственной сфер, намечался синтез религии и философии, осуществившийся позднее в неоплатонизме.

Глава III «“Героика” Филострата и героический культ», самая объемная в книге, пожалуй, наиболее богата оригинальными наблюдениями и выводами, раскрывающими значение этого диалога как недооцененного источника по истории греческой религии. Рассмотрев проблемы датировки, содержания и жанра этого многослойного сочинения (§ 1), А.В. Белоусов поднимает далее вопросы о его месте в контексте «трояновского романа», о понимании мифического и исторического у Филострата, об особенностях филостратовской критики Гомера (§ 2 «“Героика” и *Schwindelliteratur*: миф и история») и, весьма квалифицированно используя методы традиционной *Quellenkritik*, анализирует нарративную традицию о Протесилае (§ 3 «Почему Протесилай?»), сведения Филострата о фессалийском культе Ахилла на Сигее и легенды об Ахилле на Белом острове (§ 4–5). Основные нарративные и идеологические особенности диалога исследуются, по выражению А.В. Белоусова, «в контексте ансамбля коммуникативных стратегий (главным образом в литературе) эпохи писателя» [2, с. 76]. В жанровом отношении, как отмечает автор, «Героика» сочетает черты «диалогического экфрасиса», новеллы, «храмового диалога», истории религиозного обращения и литературы «откровения». При этом Филострат заставляет восточный жанр «откровения» звучать по-эллинически, что может указывать на религиозный акцент в страстной любви Второй софистики ко всему

эллинистическому; в то же время он вплетает в свою рационалистическую ревизию Гомеровых преданий сообщения, которые напрямую не относятся к Троянским сюжетам, но работают на достижение главной цели диалога, которую А.В. Белоусов определяет так: «служить идеологическим подспорьем для оживления интереса образованной публики к исконно греческим героическим культам»³ [2, с. 86]. Именно эти (местные) предания, которые приводит Филострат, в силу своей чуждости гомеровской поэзии и сохранявшейся во времена самого писателя культовости могли указывать на специфические черты греческой религиозности во II–III вв. н.э. Все это делает «Героику» «прежде всего идеологическим, религиозно-пропагандистским сочинением, написанным на перекрестке жанров платоновского диалога и истории в духе *Schwindelliteratur*» [2, с. 91]. Выбор же Протесилая, дважды воскресшего героя, которому вдохновенно служит просвещенный им Виноградарь, обращающий в свою веру варвара Финикийца, обусловлен его популярностью в русле того интереса к теме воскресения, что был характерен для времени Филострата, хотя сам культ этого героя, по осторожному предположению А.В. Белоусова, мог иметь основу в малоазийском мифе [2, с. 101]. Удовлетворяя этот интерес, Филострат и вводит мотив вторичного воскресения Протесилая.

Тщательный анализ свидетельств Филострата о почитании Ахилла в Фессалии в сопоставлении с культами детей Медеи и Меликерта (Палемона) и с лемносским праздником «очищения огня» позволяет автору констатировать несомненное сходство их обрядовых элементов, связанных с символической смертью и воскресением, ритуальными плачами, ночными жертвоприношениями и т. д. Соответственно, в почитании Ахилла на Сегейском мысу (в Троаде) обнаруживается связь с инициациями («обрядами перехода») и мистериями. Опираясь в исследовании культа Ахилла в Причерноморье как на литературную традицию, так и на данные эпиграфики и археологии⁴ и обращаясь к некоторым этрусским материалам, А.В. Белоусов вполне убедительно показывает, что предания, сообщаемые Филостратом (о последней девице из рода Приама и падении амазонок на Белый остров), восходят к местным представлениям об Ахилле как Владыке Понта и божестве Северного берега Черного моря; и в них не только отражена мифическая история, но и обнаруживаются те следы архаических ритуалов, которые продолжали жить и в современной писателю культовой практике. Главный же вывод главы заключается в том, что диалог «Героика» нельзя

считать продуктом литературной мистификации на гомеровском материале, ибо он действительно связан с пробуждением неподдельного интереса к героическим культам в правление Северов.

В главе IV «Флавиус Филострат и раннехристианская литература» А.В. Белоусов включается в давнюю ученую дискуссию об Аполлонии и христианстве, критически оценивая разноречивые оценки, высказанные в историографии по вопросу о литературных взаимосвязях «*Vita Apollonii*» с Новым Заветом (§ 1. 1) и по проблеме сходства образов Аполлония и Христа в связи с понятием $\theta\epsilon\acute{\iota}\omicron\varsigma \acute{\alpha}\nu\eta\eta\rho$ (§ 1. 2). Чтобы объяснить известные подобию текстов VA и H3, сходство историй о чудесах Аполлония и Христа, автор считает необходимым обратиться к «аретологии», которая в эпоху эллинизма стала отдельным жанром низовой литературы и включала предания о «божественных мужах». Но, констатируя разногласия в мнениях современных исследователей, он приходит к заключению, что вопрос о том, действительно ли образы Аполлония и Христа в литературном отношении восходят к одному и тому же массиву «чудесных» преданий эллинистически-римской культуры, вряд ли разрешим. О влиянии «Жизни Аполлония» на Новый Завет говорить не приходится; сходные места, вероятно, объясняются либо заимствованием из третьего источника, либо топижкой эллинистически-римских аретологий о «божественных мужах». Не представляется автору возможным в настоящее время решить и вопрос о том, является ли Аполлоний тем самым «типичным» $\theta\epsilon\acute{\iota}\omicron\varsigma \acute{\alpha}\nu\eta\eta\rho$, по модели которого первые христиане создавали образ своего Спасителя. Эти скептически-негативные выводы, скорее всего, вполне справедливы, но сделаны они только на основании критического рассмотрения современных исследований, а не специального анализа источников, что, впрочем, едва ли стоит ставить в вину автору, так как сосредоточение на таком анализе неизбежно означало бы повторение уже пройденного наукой пути и увело бы далеко в сторону от основной проблематики монографии.

В поиске взаимосвязи с христианством другого Филостартова сочинения – «Героики» (которая лишь совсем недавно стала исследоваться в таком контексте) А.В. Белоусов, напротив, обращается к пристальному анализу в контексте эллинистических героических культов двух понятий, общих Филострату и христианам, а именно «любви к божеству» (§ 2. 1) и «воскресения» (§ 2. 2). Первое понятие (как и любовь божества к смертным) в качестве онтологического основания «спасения» было неизвестно классическому античному «язычеству». Но в тексте «Ге-

роики» есть интересный рассказ о страстной «любви» илионского крестьянина к герою Паламеду, свидетельствующий, по мысли автора, что эллинское религиозное сознание в римскую эпоху начинает осознавать необходимость испытывать любовь к божеству. Это является результатом кардинальных трансформаций – экономических, политических, социальных и собственно религиозных, следствием которых стала на рубеже II–III вв. н.э. резкая активизация героического культа. У Филострата же, как заключает автор, *amor herois* выступает как орудие в деле отстаивания исконного эллинства перед лицом варварского наступления Сасанидов и восточных мистериальных культов, включая христианство. Что касается понятия «воскресение», то А.В. Белоусов в первую очередь рассматривает глагол $\text{☉}\epsilon\tau\blacksquare\text{☉}\Omega\text{✠}\square\blacklozenge$ («возвращать к жизни, оживлять»), которым Филострат обозначает «воскресение» Протесилая (а также воскресших Пифагора, Аполлония и воскрешенной им девицы) и которое использует, можно сказать, как *terminus technicus*, по-видимому, сознательно избегая употребляемого христианами $\text{☉}\epsilon\tau\blacksquare\text{✠}\blacklozenge\blacklozenge\text{☉}\text{✠}$ («восставить, пробуждать, ставить на ноги»). Характерно, что у Филострата «оживление» не связано с «воскресением плоти». Все это может свидетельствовать в пользу идеи о латентной антихристианской направленности и «Героики», и «Жизни Аполлония».

Подводя итоги исследования в «Заключении», А.В. Белоусов подчеркивает, что оба рассмотренных сочинения Филострата, при всей своей художественности, отражают характерные явления религиозной жизни эпохи и могут и должны использоваться как полноценный источник для изучения греческой религии III в. н.э. Особая ценность этих трудов для истории идей обусловлена тем, что они написаны на стыке различных идеологических влияний: неопифагорейства, герметизма⁵ и христианства.

Таковы главные положения и выводы, представленные в основном тексте монографии, которые дополняются интересными наблюдениями по трем сюжетам, вынесенным в Приложение⁶. Книга снабжена английским Summary, списком сокращений, изданий и переводов источников и списком литературы, включающим более 450 позиций⁷.

Содержательная, интересно написанная, открывающая новые перспективы дальнейшего изучения идеологии и религиозных явлений II–III вв. н.э., работа А.В. Белоусова вносит добротный вклад в сравнительно небогатую российскую историографию Второй софистики. Однако, отдавая должное большому труду,

вложенному автором в исследование, нельзя не указать на мелкие, но тем более досадные промахи. Так, восшествие на престол императора Деция (Декия) дважды датируется 299 г. н.э. вместо 249 г. [2, с. 13, 22]. Если на с. 13 годы жизни Филострата указаны как 160–240 гг., то на с. 30 отмечается, что точный год его рождения не известен и можно лишь предполагать, что он родился между 160-м и 170 г., а на с. 32 утверждается, что скончался писатель в правление императора Филиппа Араба, даты правления которого указаны как 244–299 вместо правильного 244–249 гг. Думается, преувеличением является утверждение, что довольно обширная литература, посвященная творчеству Филострата, за немногими исключениями была направлена в основном на исследование его литературных источников; во всяком случае, этого никак нельзя сказать о работах последних лет. Вряд ли корректно именовать императора Септимия Севера царем [2, с. 21], а его сыну Каракалле приписывать мечту о смерти в бою [2, с. 22] (без ссылок на источники). Последний, по свидетельству Диона Кассия (LXXVII [LXXVIII]. 13. 2), вызывал вражеских вождей на поединок, но явно не ради собственной гибели. Американский историк Glen Bowersock иногда именуется Бауерсоком [2, с. 29, 92], а иногда Бауэрсоком (что правильнее). Встречаются в тексте неудачные выражения. Например, об эдикте Каракаллы 212 г. говорится, что он «зафиксировал уже произошедшее в империи поглощение древнего римского общества приливом чужеземных вторжений» [2, с. 23] (курсив мой. – А.М.), что и по существу дела неверно, и стилистически выражено неудачно. На с. 89 трудно понять фразу: «Гомер говорит, Максим и “доверяет” ему... однако “верит” Платону и “жалеет” Эпикура...» В списке литературы работа М. Smith'a в нарушение алфавитного порядка помещена после работы F. Solmsen'a [2, с. 243].

Все перечисленные погрешности относятся к разряду скорее помарок, нежели ошибок, и не умаляют в целом высокого уровня рецензируемой книги. Она, несомненно, будет интересна и полезна как историкам и филологам, изучающим интеллектуальную историю Римской империи, так и религиоведам, обращающимся ко времени формирования христианства.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00088 «Патриотизм и преданность в античном мире», а также частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

Примечания


1. Единственным специальным исследованием этой проблематики остается переводная работа французского историка Ж. Ревилля, изданная в самом конце XIX века [1].

2. Автор почему-то называет ее «финикийской» [2, с. 59], но это город в Сирии (совр. Хомс).

3. Об этой тенденции в эпоху Империи см.: [13]; об отношении к Гомеру: [14].

4. Подробный анализ этих данных вынесен в Приложение I «Культ Ахилла в Северном Причерноморье: религиозный контекст рассказа об Ахилле у Филострата».

5. Вопросу о влиянии герметизма на Филострата посвящено Приложение 2 «Pythagorica-Hermetica: К вопросу об источниках Vita Apoll. III. 34», в котором автор приходит к выводу, что Филострат, вероятно, опирался на труды философа Нумения Апамейского.

6. В Приложении 3 « (2) Флавия Филострата о законе и природе» приводится текст и перевод единственного из сохранившихся сочинений писателя, написанного в риторическом жанре диалексиса – вступительной «беседы», предварявшей софистический перформанс или энкомий. Ставится вопрос о возможных источниках рассуждений Филострата о противопоставлении закона и природы и отмечается, что в этом небольшом тексте как бы суммированы основные темы его творчества, обнаруживаются отголоски современных автору религиозно-философских идей и содержится *credo* софиста северовосточной эпохи, который, даже перенимая «восточные» жанровые формы, стремился преобразить их в эллинском духе, придать им эллинские форму и содержание.

7. Из не использованных автором работ, которые непосредственно относятся к затрагиваемым им сюжетам, можно назвать совсем немного, например к вопросу об Аполлонии как «божественном муже» см. работы Ф. Ханю: [15–16] и его же неопубликованную диссертацию [17]. Для освещения проблемы возрождения героических культов в эпоху Империи была бы полезна книга К. Джонса [13], а по вопросу об отношении Филострата к Гомеру – монография Л. Кима [14, в особенности гл. 6 «Ghosts at Troy: Philostratus' *Heroicus*», p. 175–215]. См. также: [18].

Список литературы

1. Ревилль Ж. Религия в Риме при Северах / Пер. с франц. В.Н. Линца. М.: Изд. магаз. «Книжное Дело», 1898. ix, 320 с.

2. Белоусов А.В. Флавий Филострат в религиозном контексте своего времени: «Жизнь Аполлония» и «Героика». М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 246 с.

3. Rüpke J. Römische Religion und «Reichsreligion»: Begriffsgeschichtliche und methodische Bemerkungen // Römische Reichsreligion und Provinzialreligion / Hg. H. Cancik und J. Rüpke. Tübingen, 1997. S. 3–23.

4. Rüpke J. Reichsreligion? Überlegungen zur Religionsgeschichte des antiken Mittelmeerraums in der römischen Zeit // Historische Zeitschrift. 2011. Bd. 292. S. 297–322.

5. Rüpke J. From Jupiter to Christ. On the History of Religion in the Roman Imperial Period. Oxford: Oxford University Press, 2014.

6. Rives J.B. Graeco-Roman Religion in the Roman Empire: Old Assumptions and New Approaches // Currents in Biblical Research. 2010. V. 8. № 2. P. 240–299.

7. Römische Reichsreligion und Provinzialreligion. Globalisierungs- und Regionalisierungsprozesse in der antiken Religionsgeschichte. Ein Forschungsprogramm stellt sich vor / Hg. H. Cancik, J. Rüpke. Erfurt, 2003.

8. Panthée: Religious Transformations in the Graeco-Roman Empire / Ed. Laurent Bricault, Corinne Bonnet. Leiden–Boston: Brill, 2013. xii, 385 p.

9. Being Greek under Rome: Cultural Identity, the Second Sophistic, and the Development of Empire / Ed. S. Goldhill. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

10. Eshleman K. The Social World of Intellectuals in the Roman Empire: Sophists, Philosophers, and Christians. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. x, 293 p.

11. Kemezis A.M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. xii, 340 p.

12. Белоусов А.В. «Жизнь Аполлония Тианского» и «Героика»: Флавий Филострат в религиозном контексте эпохи Северов: Диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.14. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. 2010. 290 с.

13. Jones C.P. New Heroes in Antiquity: from Achilles to Antinoos. Cambridge (Massachusetts); London: Harvard University Press, 2010. ix, 125 p.

14. Kim L. Homer Between History and Fiction in Imperial Greek Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. xii, 246 p.

15. Hanus Ph. Apollonios de Tyane et la tradition du «theios aner» // Dialogues d'histoire ancienne. 1998. V. 24. № 2. P. 200–231.

16. Hanus Ph. Rôle des ensembles spatio-temporels dans la structuration d'une figure de l'homme divin. L'exemple de la Vie d'Apollonios de Tyane // Filosofia, storia, immaginario mitologico / a cura di M. Guglielmo e G.-F. Gianotti. Torino, 1997. P. 181–193.

17. Hanus Ph. La Vie d'Appollonios de Tyane. Recherches sur la tradition du «theios aner». Thèse de doctorat. Université Pierre Mendès-France, Grenoble II, 1998.

18. Henderson I.H. Speech representation and religious rhetoric in Philostratus' *Vita Apollonii* // Studies in Religion / Sciences Religieuses. 2003. V. 32. 1–2. P. 19–37.

References

1. Revill' Zh. Religiya v Rime pri Severah / Per. s franc.

AUTHOR, TEXTS, AND CONTEXT (A NEW BOOK ON FLAVIUS PHILOSTRATUS AND RELIGION OF THE THIRD CENTURY A.D.)

A.V. Makhlayuk

The paper analyzes the conceptual approaches, main points and conclusions presented in a new Russian book on Flavius Philostratus and religious developments in the Roman empire of the third century A.D. Some possible prospects for further studies of the Second sophistic literary history and ideology are also evaluated.

Keywords: Flavius Philostratus, «Life of Apollonius», «Heroikos», religion, Second sophistic, Roman empire, A.V. Belousov.

- V.N. Linca. M.: Izd. magaz. «Knizhnoe Delo», 1898. ix, 320 c.
2. Belousov A.V. Flavij Filostrat v religioznom kontekste svoego vremeni: «Zhizn' Apolloniya» i «Geroika». M.: Izd-vo PSTGU, 2012. 246 s.
3. Rüpke J. Römische Religion und «Reichsreligion»: Begriffsgeschichtliche und methodische Bemerkungen // Römische Reichsreligion und Provinzialreligion / Hg. H. Cancik und J. Rüpke. Tübingen, 1997. S. 3–23.
4. Rüpke J. Reichsreligion? Überlegungen zur Religionsgeschichte des antiken Mittelmeerraums in der römischen Zeit // Historische Zeitschrift. 2011. Bd. 292. S. 297–322.
5. Rüpke J. From Jupiter to Christ. On the History of Religion in the Roman Imperial Period. Oxford: Oxford University Press, 2014.
6. Rives J.B. Graeco-Roman Religion in the Roman Empire: Old Assumptions and New Approaches // Currents in Biblical Research. 2010. V. 8. № 2. P. 240–299.
7. Römische Reichsreligion und Provinzialreligion. Globalisierungs- und Regionalisierungsprozesse in der antiken Religionsgeschichte. Ein Forschungsprogramm stellt sich vor / Hg. H. Cancik, J. Rüpke. Erfurt, 2003.
8. Panthée: Religious Transformations in the Graeco-Roman Empire / Ed. Laurent Bricault, Corinne Bonnet. Leiden–Boston: Brill, 2013. xii, 385 p.
9. Being Greek under Rome: Cultural Identity, the Second Sophistic, and the Development of Empire / Ed. S. Goldhill. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
10. Eshleman K. The Social World of Intellectuals in the Roman Empire: Sophists, Philosophers, and Christians. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. x, 293 p.
11. Kemezis A.M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. xii, 340 p.
12. Belousov A.V. «Zhizn' Apolloniya Tianskogo» i «Geroika»: Flavij Filostrat v religioznom kontekste ehpoi Severov: Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.14. M.: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. 2010. 290 s.
13. Jones C.P. New Heroes in Antiquity: from Achilles to Antinoos. Cambridge (Massachusetts); London: Harvard University Press, 2010. ix, 125 p.
14. Kim L. Homer Between History and Fiction in Imperial Greek Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. xii, 246 p.
15. Hanus Ph. Apollonios de Tyane et la tradition du «theios aner» // Dialogues d'histoire ancienne. 1998. V. 24. № 2. P. 200–231.
16. Hanus Ph. Rôle des ensembles spatio-temporels dans la structuration d'une figure de l'homme divin. L'exemple de la Vie d'Apollonios de Tyane // Filosofia, storia, immaginario mitologico / a cura di M. Guglielmo e G.-F. Gianotti. Torino, 1997. P. 181–193.
17. Hanus Ph. La Vie d'Appollonios de Tyane. Recherches sur la tradition du «theios aner». Thèse de doctorat. Université Pierre Mendès-France, Grenoble II, 1998.
18. Henderson I.H. Speech representation and religious rhetoric in Philostratus' Vita Apolonii // Studies in Religion / Sciences Religieuses. 2003. V. 32. 1–2. P. 19–37.